

Мозговой, В.И. Давно не бывал я в Донбассе... О вариативности предлогов *В-НА* в топонимии / В.И. Мозговой. // Русский язык в поликультурном мире : VII Международный симпозиум (8–12 июня 2023 г.) / Отв. ред. колл. Т.В. Аржанцева. Л.А. Орехова : / Сб. науч. статей. В 2-х тт. Т. I. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2023. – 370 с. – С. 71– 83.

ДАВНО НЕ БЫВАЛ Я В ДОНБАССЕ... О ВАРИАТИВНОСТИ ПРЕДЛЮГОВ *В – НА* В ТОПОНИМИИ

В.И. Мозговой
tow48@mail.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

В онимной практике всё чаще встречаются необъяснимые варианты собственных имён (СИ), которые либо фиксируют «традиционные» межъязыковые употребления, либо приспособливают систему одного языка к другой, опираясь на речевую стихию: *Кирилл* и *Кирило*, *Білоусенко* и *Белоусенко*, *Афанасий* и *Панас*, *Їжакевич* и *Ижакевич* (антропонимы); *на Украине* и *в Україні* (топонимы) и т. п.

Подобная вариативность, конечно же, ошибочна, хотя в условиях интернациональной направленности политики Советского Союза и статуирования русского языка как языка межнационального общения она не воспринималась как антагонистическая (в паспортах и уставных документах фиксировались оба варианта).

Совсем иная ситуация возникла после распада СССР. Украина, например, позиционировала себя как суверенная и унитарная. Идеология, направленная на построение «независимого ни от кого» государства, привела её апологетов к отрицанию восточнославянского единства и любой другой культуры, кроме украинской. Особенно воинственно риторика отрицания проявилась по отношению к русскому национальному языку, который убедительно доказывал исторически оправданное существование русско-украинской общности [7].

Чтобы её разрушить, были изобретены два радикальных способа.

1. Замена русских СИ «национальными»: *Никольское* > *Микільське*, *Красное* > *Червоне*, *Антонов* > *Вінтонів*, *Ефим* > *Юхим* и т. п.

2. Переименования для изъятия из памяти совместной русской и советской истории: *Красноармейск* – *Покровск* (в честь «рождённой» на Покрова *Украинской Повстанческой армией*), пос. *Красный Партизан* – *Бэтманово* (в честь «американского партизана») и т. п.

Языковые санкции против «русификации» приобрели массовый характер, что удовлетворяло идеологов националистического меньшинства, но стало неприемлемым для большинства, негодующего по поводу номинативного беспредела. По мнению большинства, целесообразнее было бы, чтобы русские СИ оставались русскими в украинском контексте (*Кирилл, Афанасій, Россія*), а украинские – украинскими в русском (*Билоусенко, Панас, Йижакевич*). Однако такая постановка вопроса рассматривалась как антипатриотическая. Сохранение права первичного или исторически сложившегося собственника на имя уничтожалось сомнительными «переводами», переименованиями и «реформами» графики, грамматики и орфографии [5].

В ономастике это проявилось особенно жёстко. Грамматические нормы, характерные для обычной лексики, были перенесены на СИ, что спровоцировало социальные конфликты. В рамках данной статьи предполагается осветить проблемы, возникающие при стихийной фиксации предлогов *в – на* в русско-украинской топонимии.

В обычных словосочетаниях, как пишет Д.Э. Розенталь, всё предельно просто: «Синонимичны в ряде конструкций предлоги *в–на* и их антонимы *из–с*. Например: *работать в огороде – работать на огороде, ехать в поезде – ехать на поезде, слёзы в глазах – слёзы на глазах*». Но как только речь идёт о топонимии, их классическое толкование входит в противоречие с политическим контекстом. С одной стороны, «...с административно-географическими наименованиями употребляется предлог *в*, например: *в городе, в районе, в области, в республике, в Сибири, в Белоруссии, в Закавказье*». Но с другой, «...сочетание *на Украине* возникло под влиянием украинского языка... и поддерживается выражением *на окраине*» [8, с. 243].

Последняя ремарка отрицается украинским политиком, считающим, что словосочетание *на Украине* инспирировано Россией, посягнувшей на её независимость. Обвинительная риторика разрушает представление о синонимичности предлогов *в – на*, хотя их вариативность базируется не на противопоставлении, а на оттенках внеязыкового смысла денотатов, связанных с одной формой именованного.

В качестве примера приведём графические варианты *Сейшельские острова* и *Сейшельские Острова*. У них один объект – *архипелаг* – связан с двумя денотатами, следовательно, предлоги для их фиксации будут разными. В первом случае денотат *острова*, поэтому *на Сейшельских островах*, а во втором – *государство*, поэтому *в Республике Сейшельские Острова* или *в Сейшельских Островах*.

Адекватность графических или грамматических форм в топонимии зависит не от значений слов, входящих в СИ, а от объекта номинации. Иными словами, в явной или скрытой, но всегда двукомпонентной структуре онимов (денотативная часть + название), традиция их передачи в языке определяется смыслом объекта и точностью восприятия денотата. Это наглядно демонстрирует история некоторых синонимичных пар, вызывающих правовые споры.

В Донбассе – на Донбассе

О том, что вариант *на Донбассе* нарушает нормы русского языка безоговорочно заявляет информационная служба канала Грамота.ру: «Всё очень просто: *Донбасс* – сокращение от *Донецкий угольный бассейн*. По-русски говорят *в бассейне*, а не *на бассейне*. Поэтому «*в Донбассе*» (вопрос № 279182). Однако, если углубиться в его внеязыковой смысл, то всё окажется не таким уж простым.

Как быть, например, с употреблениями, которые социум не считает ошибочными в речевом или песенном исполнении: *Давно не бывал я в Донбассе; На Донбассе под горой; Ситуация на Донбассе, В Донбассе я родился, и в Горловке я рос* и т. п. Языковые нормы без анализа их исторического контекста становятся непредсказуемыми.

Следует помнить, что история Донбасса начинается в XVIII в., но зафиксирована в онимной практике только 1 августа 1827 г. Именно тогда территория Юга России названа *Донецким горным кряжем, Донецким бассейном, Донецким горнопромышленным районом* и, наконец, *Донбассом*. Похожим был и «грамматический» путь, пройденный Кривбассом: *Криворожский рудный бассейн, Криворожский рудный район, Криворожский бассейн, Кривбасс*. Структурно-языковое совпадение их форм не случайно. Оно мотивировано однотипностью первичных объектов, стоящих в основе именованья (и в первом, и во втором случае – это *бассейны*). Однако история Донбасса довольно скоро стала определяться другим денотатом – *общностью* социальной группы, не связанной с угольным бассейном.

Если *Кривбасс* – это прежде всего рудные месторождения в районе *Кривого Рога* на территории Украины (*Днепропетровской, Полтавской, Кировоградской и Запорожской области*), то Донбасс «перерос» границы одного государства. Его идеология стала формироваться на территории нескольких областей: *Донецкой и Луганской* (Малый Донбасс), *Днепропетровской и Ростовской* (Большой Донбасс), *Белгородской, Запорожской, Курской, Сумской и Харьковской* (Пограничный Донбасс, охватывающий Украину и Россию). Он ассо-

цируется сегодня с культурой и психологией разных народов, осваивающих этот степной край: русских и украинцев; бельгийцев, французов и англичан; греко-татар и греко-эллинов; казаков, болгар и сербов; немцев, итальянцев и т. д. и т. п. [4, с. 16–22].

Привычное название *Донбасс* в зависимости от этапов пройденного пути изменило грамматическую сочетаемость с предлогами.

Первый этап – в Донбассе. Географический хороним в геологических границах горного кряжа и бассейна *р. Донец* – с 1827 г.;

Второй этап – на Донбассе. Этнический хороним, связанный с этнопсихологической общностью, не очерченной границами геологического бассейна – с XIX в. (такого варианта в *Кривбассе* нет);

Третий этап – в Донбассе. Административный хороним со значением «полустихийного» государственного образования – XX в.

На первых двух этапах варианты названия *Донбасс* не противоречили характеристикам Д.Э. Розенталя: «Употребление предлога *в* в пространственном значении связано с представлением об ограниченном пространстве (и тогда *в Донбассе* – прим. В.М.), при отсутствии этого значения употребляется предлог *на* (и тогда *на Донбассе* – прим. В.М.). Ср.: *машины стояли во дворе* (окружённое забором или домами пространство) – *дети играли на дворе* (вне дома; ср.: *на дворе сегодня холодно*)» [8, с. 243]. Однако на третьем этапе (1917 г.) развернулась борьба за административный статус Донбасса, что обусловило возвращение старой модели *в Донбассе* с новым смыслом.

Об этом свидетельствует история переподчинения этого края новым собственникам с претензией на их самостоятельность, сопровождаемую непредсказуемым количеством онимных форм:

1. Декабрь 1917 года – III областная партийная конференция **Донецко-Криворожского бассейна** в г. Харькове, закрепившая курс на установление Советской власти.

2. Одиннадцатого-двенадцатого (24–25) декабря 1917 г. – съезд Советов в Харькове, объявивший об образовании **Украинской Советской Республики** в противовес *Украинской Народной Республике*.

3. Декабрь 1917–январь 1918 г. – разделение Донбасса на **область Войска Донского** и **Харьковскую** и **Екатеринославскую губернии**, подчинённые *Центральной Раде* в Киеве.

4. Январь 1918 г. – освобождение Донбасса силами **Первого Красной гвардии Донецкого бассейна полка** и попытка Центральной Рады передать его германским войскам.

5. Тридцатого января (12 февраля 1918 г.) – IV съезд Советов Донецкого и Криворожского бассейнов в г. Харькове, который провозгласил *Донецко-Криворожскую Советскую Республику* в составе РСФСР, включавшую *Харьковскую* и *Екатеринославскую губернии*, *Днепропетровскую* и *Запорожскую области Войска Донского*; частично *Сумскую*, *Херсонскую*, *Николаевскую* и *Ростовскую области*.

6. Девятнадцатого марта 1918 г. – *Всеукраинский съезд Советов* в г. Екатеринославе, объединивший все советские образования в *Украинскую Советскую Республику*, созданную для борьбы с националистической властью Центральной Рады (при этом акта об упразднении Донецко-Криворожской республики не зафиксировано).

7. Восемнадцатого марта 1919 г. – Первый съезд Советов в г. Славянске, избравший *Донецкий губисполком*, а 15 марта 1920 г. образовавший *Донецкую губернию* с центром в городе *Луганске*. Включала *Изюмский* и *Старобельский уезды Харьковской губернии*, *Бахмутский*, *Мариупольский* и *Луганский уезды Екатеринославской губернии*, *Таганрогский* и *Черкасский округа Войска Донского*.

8. Двенадцатого октября 1920 г. – перенесение центра *Донецкой губернии* в *Ба́хмут* (первично *Ба́хмутская сторожа*, 1571 г.; далее русская крепость *Ба́хмут* от речки *Бахму́тка*, 1701 г.; далее *Артёмовск* в честь председателя губисполкома Артёма, 1923 г.).

9. 1925 г. – образование *Донецкой губернии* с *Артёмовским*, *Луганским*, *Мариупольским*, *Сталинским* и *Старобельским округами*.

10. Второго июля 1932 г. – образование *Донецкой области* с центром в г. Артёмовске (с 17.07.1932 г. по 09.11.1961 г. *Сталинской*, а с 1938 г. *Сталинской* и *Ворошиловградской* областями).

11. 1939 г. – разделение Донбасса на *Донецкую*, *Луганскую*, *Днепропетровскую*, *Запорожскую*, *Ростовскую области* УССР и РСФСР.

Итак, исторические варианты *в Донбассе* (в бассейне реки Донец), *на Донбассе* (территории отдельной общности) и снова *в Донбассе* (административной единице) имеют одинаково полное право на существование в зависимости от смысла денотатов, заложенных в их внеязыковой природе. Словосочетание *в Донбассе* не является поэтому омонимом формы *на Донбассе*. Оно не связано с понятием *Донецкий бассейн* и воспринимается в качестве неделимого слова с одним корнем, как в известных строках П.Г. Беспощадного: «*Донбасс никто не ставил на колени. И никому поставит не дано!*».

Именно такой смысл заложен в акте переименования в 1961 г. города *Сталино* в *Донецк* с административной спецификой его «претензий» на весь Донбасс. Его языковая форма не синонимична с *Донецком* в Ростовской области. Понятие *донецкий* символизирует характер особого «этноса», не связанного напрямую с бассейном реки Донец.

Особенно ярко этот смысл передаёт Борис Пастернак:

*Нас мало. Нас, может быть, трое
Донецких, горючих и адских...*

В Украине – на Украине

Полемику по поводу употребления предлогов *в* – *на* вряд ли может остановить постановление Кабинета министров Украины о признании официальными только употребления *в Украине* и *из Украины*, якобы с целью закрепить её суверенитет (1993 г.). Такая чиновничья легенда не имеет никакого отношения к имманентным процессам развития языка и его онимосферы. Так, **регион Малороссия** употребляется в форме **в Малороссии**, а **хороним Украина** закреплён в речи и с предлогом *в*, и с предлогом *на* в зависимости от субъективной трактовки значений или чередований [i]–[й], [y]–[в] «за законом милозвучности», как у Т.Г. Шевченко.

*Як умру, то поховайте
Мене на могилі,
Серед степу широкого,
На Вкраїні милій...*

Параллельно:

Землякам моїм в Україні і не в Україні...

Варианты его нисколько не смущали, как не смущают они большинство граждан Украины и России, не усматривающих в них ущемлений своих прав. Политические баталии по этому поводу развернулись позже, когда Украина позиционировала себя как антипод России, зафиксировав принципиальность своей позиции в фантазиях, типа **в Україні ≠ на росії // на Московії**, к счастью, невозможных в реальной практике их употреблений в близкородственных языках.

Однако такая трактовка стала возможной при интерпретации Украины как государства, возникшего якобы раньше России и любой из цивилизаций. Большинство украинских историков относятся, правда, к ней осторожно [3], считая датой её образования 1187 г., когда в Киевской летописи зафиксирована похожая форма, хотя и эта концепция не безупречна. Терминологическое поле слова *украина* охватывало в летописи пограничную территорию *Переяславля*, ли-

шённую этнического, географического, а тем более административного смысла. Таких *оукраин* в то время было множество (*Галицкая Украина* – 1189 г., *Волинская Украина* – 1213 г., *Псковская* и *Полоцкая Украина* – 1270 г., *Московская Украина* – 1481 г. и т. п.), но они выполняли роль номенклатурных терминов при топонимах *Галич*, *Волинь*, *Псков*, *Полоцк*, *Москва* и др. Для фиксации же этнического статуса существовала формула *русь* в значении *Русская земля* (*русский народ*). Это было некой условностью, употребляемой в одной обойме с другими «языщами»: «...агляне, галичане, ляхове, волоси, римляне, корлязи, венеци, фрязи и прочие» [9, с. 10]. Реально же хоронимы появились только после распада Руси в 1132 г.: *Новгородская земля*, *Владими́ро-Сузда́льское княжество*, *Галицко-Волинское княжество*, *Черниговское княжество*, *Рязанское княжество*, *Полоцкое княжество* и др.

Таким образом, множественность *оукраин* доказывает их нарицательность. Номенклатурный термин с лексическим значением *окраина* передавался поэтому только формой *на окраине* // *на Украине*.

Путь её поэтапной онимизации был сложен и долог...

Первый этап – Московский (XVII в. – 20-е гг. XVIII в.). Его особенность ярко передают европейские карты того времени.

1637 год. Карта Исаака Маса с гербом Польши: *Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina. Cum adjacentibus Provinciis* (в переводе: «Общий план **безлюдных земель**, обычно называемых **Украина**, с прилегающими провинциями»);

1648 год. Рукописная карта французского военного инженера Гийома де Боплана: *Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina. Cum adjacentibus Provinciis* (в переводе: «Общий план **Дикого поля**, точнее **Украины**. С сопредельными провинциями»);

1651 год. Обработанная Вильгельмом Гондиусом и изданная типографским способом карта Боплана: *Description des contrées du Royaume de Pologne, contenues depuis les confins de la Moscovie, insques aux limites de la Transilvanie. Par le Sieur de Beauplan* (в переводе: «Описание **окраин Королевства Польши**, простирающихся от пределов **Московии**, вплоть до границ Трансильвании»).

1680 год. Карта Фредерика де Вита, на которой изображается **Дикая Окраина России**, заселённая отнюдь не **украинцами** (такой этноним не зафиксирован ни в одном из перечисленных источников).

Итак, форма *украина* не может служить доказательством существования одноимённого государства. На географических картах она

изображается как территория между Московией и Польшей, о чём вполне определённо свидетельствует «Послание Гийома Левассера де Боплана Светлейшему и могущественнейшему монарху, Яну Казимиру, Божьей милостью королю польскому под названием»: *Описание Украины нескольких провинций Королевства Польского, простирающихся от пределов Московии до границ Трансильвании, а также их обычаев, образа жизни и ведения войны*» (1660 год).

В нём идёт речь не об украинцах, а о казаках: «Отсюда вышли те отважные люди, которые в настоящее время называются **запорожскими казаками** (*Cosaques Zaporousky*)... Они исповедуют греческую веру, называя её по-своему **русской** (*Rus*), свято почитают праздничные дни и соблюдают посты... **Русская шляхта**. Шляхта среди них очень немногочисленна, подражает польской, и, кажется, стыдится того, что принадлежит к другой, не римской вере, в которую они переходят ежедневно, хотя вся знать и все те, кто носит имя князей, происходят из греческой [православной] веры» [1].

Второй этап – имперский (XVIII в. – 1917 г.). Связан с победой русских над шведами в Северной войне 1700–1721 гг., которая обеспечила присоединение к Московскому царству *Эстляндии, Лифляндии, Ингрии и Карелии*. В ознаменование этой победы Сенат 22 октября 1721 г. наделил царя Петра титулом «*Отца Отечества, Императора и Петра Великого*», который с этих пор не мог оперировать категориями *Руси* или *Московии*. В новом названии нужно было заявить о евроазиатских амбициях империи, уйти от узконациональной «русскости» и закрепить идеологию широкого православия.

Для этого как нельзя лучше подходила конструкция *в России* в противовес *на Руси*, поскольку она были понятна европейцу и объяснима для подданных.

Понятность для Европы была связана с устоявшейся традицией использования для названий государств окончания *-ия*, пришедшего в русский язык из греческого и латинского языков через посредство польского: польск. *Burgundia, Italia, Portugalia, Sycylyia* > рус. *Бургундия, Италия, Португалия, Сицилия* и т. п.

Объяснимость для подданных определялась укрепившейся идеей православия, зафиксированной в однотипных названиях территорий **Великороссии**: *Малороссия* как первичный центр зарождения православия (*Галицкая* и *Киевская* митрополии); *Белоруссия* (западная часть православной Руси), *Новороссия* (освоенные православными людьми земли), а также *Грузия, Армения, Таврия* и т. п. Для послед-

них Россия стала опорой при защите национально-конфессиональных ценностей. Кроме этих форм существовали их официальные варианты (например, *Малороссийская, Новороссийская, Таврическая губернии*) и их речевые эквиваленты (например, *Украина*).

Не являясь самостоятельным государственным образованием, но избавленная от смысла номенклатурного термина, она стала восприниматься в качестве условной онимной единицы, употребляемой как неофициальное название заселённого украинцами Приднепровья с заменой устоявшегося предлога *на* на *в* (Н.В. Гоголь: «*Порядку нет в Украине: полковники и есаулы грызутся, как собаки, между собою*»).

Третий этап – советский (1917–1991 гг.). Связан с революционными событиями, разрушившими основы Российской империи и положившими начало образованию на её территории национальных республик – первично *Украины*, получившей ряд вариантов официальных названий с разными *денотатами*:

1. *Украинская Народная Республика* (УНР) – 07.11.1917–ноябрь 1920 г. Провоглашена III Универсалом Центральной рады на территориях *Киевской, Подольской, Волынской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической губерний* (кроме *Крыма*) после свержения Временного правительства.

2. *Украинская Держава* – апрель-декабрь 1918 г. Образована после государственного переворота гетмана П.П. Скоропадского, поддержанного австро-германскими оккупационными войсками. Упразднена в результате антигетманского восстания под руководством Директории с восстановлением УНР.

3. *Западно-Украинская Народная Республика* (ЗУНР) – 01.11.1918–18.07.1919 г., возникшей на территории *Восточной Галиции, Буковины и Закарпатья*, входивших в состав *Австро-Венгрии*.

4. *Украинская Советская Социалистическая Республика* (УССР) – 25.12.1917–24.08.1991 г. Признана как государство в составе СССР, объединившего по состоянию на 1976 г. 25 областей. Датой юридического оформления следует считать 30 декабря 1922 г.

Первое официальное название Украины, преодолев речевую вариативность и узконациональный характер ограниченной территории (*в Украине и на Украине*), закрепило единственно возможную форму *в Украинской Советской Социалистической Республике*.

Четвёртый этап – национальный (с 1991 г.). Вступление в этот этап было неожиданным, поскольку история Руси-России была прервана *Соглашением об упразднении СССР* и созданием *Содруже-*

ства Независимых Государств, подписанным 8 декабря 1991 г. президентами трёх «обновлённых» союзных республик – РСФСР, УССР и БССР. При этом «...выход Украины из состава СССР осуществлялся с учётом её якобы мононациональной природы и исторически сложившихся границ, хотя по факту она была заселена не только и не столько украинцами, а границ мононационального заселения просто не существовало, поскольку республика входила в союзное государство» [6, с. 236].

Неожиданным была и замена официально признанной всем миром *Украинской Советской Социалистической Республики* на *Украину* – название без номенклатурного термина и не обладающую никаким другим статусом, кроме национального.

За этим, возможно, скрывалась заявленная ещё Л.М. Кравчуком цель – «Україна для українців» (1991–1994), которая закономерно трансформировалась в концепцию «Україна – не Росія» (Л.Д. Кучма: 1994–2005 [2]), затем – «Україна – це Європа» (В.А. Ющенко: 2005–2010), «Україна – це Росія і Європа» (В.Ф. Янукович: 2010–2014), а далее – «Україна – не православна Московія» (П.А. Порошенко: 2014 – 2019) и, наконец, «Україна – «анти-Росія», а прогнозно «і не Європа, і не Росія, і не Україна» (В.А. Зеленский: с 2019 г.).

Проще и разумней было бы указать в названии государства на его форму правления и цель: *народная, советская, федеративная* или *демократическая*. Но этого не произошло: в 1993 г. пришлось отдельным постановлением заменить предлоги *на – с* (*на Украину – с Украины*) на *в – из* (*в Украину – из Украины*).

Во внутреннем употреблении это сработало: к употреблению привыкли, поскольку оно вполне обоснованно опиралось на понятие государства, имеющего границы: *в (республике) Украина*. Но убедить в этом внешних пользователей, например, русского, польского или английского, оказалось сложнее: они, опираясь на первичную семантику *на оукраїне*, по-прежнему пишут или говорят *на Украине* (рус.); *the Ukraine* (англ.); *na Ukrainie* (польск.). И здесь нет ничего предосудительного, если не акцентировать на этом внимание. Поляки, например, говорят *на Чехию, на Венгрию, на Словакию, на Белоруссию* и никого это не беспокоит.

Оправдано, конечно, что норма *в Украину* более политкорректна, но если не столкнётся с намеренно унижающими собственника «изобретениями», типа *русня, на росії* или *на московії*. В этом контексте вариативность употреблений *на Украине // в Украине* не является

принципиальным. Гораздо важнее связать это с фактом реальности или нереальности существования этноса и государства.

Литература

1. Боплан Гийом Левассер. Описание Украины / Гийом Левассер де Боплан. – М. Древнехранилище, 2004.
2. Кучма Леонид. Украина – не Россия». – М. : Время, 2004. – 560 с.
3. Лабинская Г. Походження хоронімів «Україна» та «Росія» / Г. Лабінська. // Вісник Львівського університету. Серія географічна. Вип. 40, Ч. 2 – Львів, 2012. – С. 60–67.
4. Мозговой В.И. Там, где было Дикое поле: очерки истории Донецкого края / В.И. Мозговой, В.Г. Ляшенко. / под общей ред. В.И. Мозгового. – Донецк : Кардинал, 2001. – 336 с.
5. Мозговой В.И. Реформы орфографии и культура взаимодействия языков в этнографонимном пространстве / В.И. Мозговой. // Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье : Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума (г. Новозыбков, Брянская область, 17–20 мая 2022 г.) / Ред. колл. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтов, С.М. Пронченко. – Брянск : РИСО «БГУ», 2022. – Русское слово. – С. 510–517.
6. Мозговой В.И. Украинское законодательство в области национально-языковой политики и реальность социальных процессов (1917-2021 гг.) / В.И. Мозговой. // Нефилология. Научно-теоретический журнал. 2022. Т. 9, № 2. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. – 2022. – С. 228 – 242.
7. Мозговой В.И. Роль национального языка в строительстве Российского государства / В.И. Мозговой. // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). – Том 4: Филологические науки. Часть 1 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. – С. 78–82.
8. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке для работников печати. Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Книга, 1971. – 303 с.
9. Холмогорская летопись. // Полное собрание русских летописей, т. 33. – М.: Наука, 1977. – С. 10–147.